

Правовые и политические аспекты управления Legal and political aspects of public administration

Гапизов З.Р.

Цивилизационный идентитет населения Крыма как фактор интеграции в российское пространство

Гапизов Заур Расулович — соискатель, кафедра истории стран ближнего зарубежья, исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: 9605051@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [3714-0925](https://elibrary.ru/3714-0925)

Аннотация

Статья посвящена феномену цивилизационного идентитета населения Крыма как фактора интеграции в цивилизационное пространство России. На основе анализа современных подходов в политологии, социологии и истории к изучению феномена идентичности/идентитета определяется потенциал последнего в социально-политической и культурной интеграции в соответствующие качественные пространства России. Цель настоящей статьи — доказать существование цивилизационного идентитета населения Крымского полуострова, выступающего в качестве основного фактора в решении «Крымского вопроса» и успешной интеграции полуострова в качественные пространства России, а также показать, что совпадение ряда идентичностей по субъекту способно вызвать синергетический эффект, который может существенно влиять на геополитические процессы в регионе. Для достижения цели в статье были решены следующие задачи: охарактеризована категория «идентитет» в контексте «Крымского вопроса»; определено существование цивилизационного идентитета населения Крымского полуострова на основе эмпирических данных; доказано, что цивилизационный идентитет крымчан выступает в качестве фактора интеграции в российское пространство. В качестве методов были использованы цивилизационный подход, геополитический подход, ретроспективный метод, культурологический метод в этносоциологии, сравнительный анализ. Исследование показало, что цивилизационный идентитет населения Крыма объективно существует и занимает высшую позицию в иерархии идентичностей, представленной этнической, региональной, гражданской идентичностями. Его можно определить как идентичность России/Евразии. Цивилизационный идентитет населения Крыма, будучи наиболее устойчивой формой коллективной идентичности, не конфликтует ни с одной из идентичностей базового уровня и гармонично сочетается с другими, усиливая их. Так, цивилизационный идентитет способствует быстрому формированию российской гражданской идентичности крымчан, что является залогом и одним из ключевых условий успешной интеграции полуострова в качественные пространства Российского государства — политическое, экономическое, социокультурное, коммуникационное и другие.

Ключевые слова

Крым, Крымский полуостров, «Крымский вопрос», цивилизационный идентитет, идентичность, Россия, воссоединение Крыма с Россией, интеграция.

DOI: 10.24412/2070-1381-2021-85-189-210

Gapizov Z.R.

Civilizational Identity of the Crimean Population as a Factor of Integration into the Russian Space

Zaur R. Gapizov — PhD applicant, Department of History of the New Independent States, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: 9605051@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the phenomenon of the civilizational identity of the Crimean population as a factor of integration into the civilizational space of Russia. The phenomenon of the civilizational identity of the Crimean population and its potential of integration into the corresponding qualitative spaces of Russia is determined based on the analysis of modern approaches in political science, sociology and history to the study of the identity phenomenon. The purpose of this article is to prove the existence of a civilizational identity of the Crimean Peninsula population, which acts as a factor in solving the “Crimean issue” and in successful integration of the peninsula into the qualitative spaces of Russia, as well as that the coincidence of a number of identities by subject can cause a synergistic effect that can significantly affect geopolitical processes in the region. To achieve the goal, the following tasks were solved in the article: the category “identity” in the context of the “Crimean issue” was characterized; the existence of the civilizational identity of the Crimean Peninsula population was determined on the basis of empirical data; it has been proved that the civilizational identity of the Crimeans acts as a factor of integration into the Russian space. The methods used were the civilizational approach, the geopolitical approach, the retrospective method, the cultural method in ethnosociology, and comparative analysis. It can be concluded that the civilizational identity of the Crimean population objectively exists and occupies the highest position in the hierarchy of identities represented by ethnic, regional, and civic identities. It can be defined as the identity of Russia/Eurasia. The civilizational identity of the Crimean population, being the most stable form of collective identity, does not conflict with any of the basic-level identities and is harmoniously combined with others, strengthening them. Thus, the civilizational identity contributes to the rapid formation of the Russian civic identity of the Crimeans, which is a guarantee and one of the key conditions for the successful integration of the peninsula into the qualitative spaces of the Russian state — political, economic, socio-cultural, communication and others.

Keywords

Crimea, Crimean Peninsula, “Crimean issue”, civilizational identity, identity, Russia, reunification of Crimea with Russia, integration.

DOI: 10.24412/2070-1381-2021-85-189-210

Введение

В данной статье автор отталкивался от очевидного для специалистов положения, что идентичность населения Крыма, будучи многосоставной, тем не менее отличается от идентичности населения современной Украины. Зачастую в случае выявления особой идентичности у этнически смешанного населения на той или иной территории, обособленной в силу различных причин (сепаратизм, последствия ирредентизма, исторически обусловленная изоляция этнической или этнографической группы и т.д.), ее характер определяется как культурная, территориальная или региональная идентичность. Особое значение имеет тот факт, что именно наличие особой идентичности используется населением для обоснования своего права на самоопределение, провозглашение независимости или особого статуса в составе существующей государственности.

В случае Крыма и Севастополя проблема идентитета видится весьма актуальной в контексте смены государственной принадлежности в 2014 году, а также задачи интеграции территории полуострова и его населения в систему российской государственности. Наличие у населения Крыма отличной от украинской идентичности

становится важным фактором для укрепления позиций России в международно-политическом диалоге по проблеме Крыма. Учет этого фактора позволит выйти на новый уровень обобщения и в научном плане, предложить принципиально новый взгляд на гуманитарное измерение «Крымского вопроса», а более широко — обозначить новый структурный компонент в теории и практике разрешения территориальных и политических конфликтов.

Проблема выявления особой, отличной от украинской этнической и гражданско-государственной идентичности населения Крымского полуострова в новых исторических обстоятельствах только начинает изучаться, о чем свидетельствуют труды специалистов, проанализированные в рамках этого исследования.

Цель настоящей статьи — доказать существование цивилизационного идентитета населения Крымского полуострова, выступающего в качестве фактора в решении «Крымского вопроса» и успешной интеграции полуострова в качественные пространства России, а также показать, что совпадение ряда идентичностей по субъекту способно вызвать синергетический эффект, который может существенно влиять на геополитические процессы в регионе.

Категория «идентитет» в контексте «Крымского вопроса»

Понятие «идентичность» активно используется в современной гуманитарной науке. Оно было введено в научный оборот Э. Эриксоном, отметившим динамичность этого явления, его связь с культурой и идеологией [Erikson 1968]. Принято считать, что идентичности присущи этнические, религиозные и территориальные признаки. Конструктивистская парадигма предусматривает возможность «искусственного конструирования» идентичностей, например политической или гражданской. Так, А. Гидденс считает, что идентичность зависит от модели психологического строения личности [Giddens 1991, 47]. Таким образом, специалисты свободно оперируют этой категорией, как правило, указывая, какой теории или подхода они придерживаются при анализе тех или иных общественных процессов.

Однако в отличие от уже устоявшихся подходов к использованию этого термина в зависимости от предмета изучения (политическая идентичность, этническая идентичность, гражданская идентичность и пр.) понятия «региональная идентичность» и «территориальная идентичность» являются спорными. С аналогичными проблемами сталкивается научное сообщество в случае использования термина «цивилизационная идентичность» применительно к индивиду, обществу или государству. Как правило, специалисты, оперирующие этой категорией, отталкиваются от понимания термина

«цивилизация», предложенного Н.Я. Данилевским [Данилевский 2008], одним из авторов цивилизационного подхода в гуманитарном знании, и другими авторами, работавшими независимо друг от друга. В современной научной литературе под цивилизационной идентичностью понимаются общества в их привязке к определенным географическим ареалам, истории и социальной культуре. Исторически такие общества выступают в качестве носителей социальных и культурных практик, отличающих их от других общностей, но при этом позволяющих им претендовать на универсальную (всемирную) значимость (хотя в отношении ряда древних цивилизаций, к примеру доколумбовой Америки, данная характеристика неприменима). В отдельных работах, например Л.Н. Гумилева, акцент делается на религиозно-идеологическом компоненте природы больших обществ.

После окончания глобального противостояния в рамках холодной войны, определявшегося столкновением двух идеологий, весь мир ожидал исполнения «исторического пророчества» американского футуролога Ф. Фукуямы о «конце истории». Количество конфликтов, как и их жертв, первые три десятилетия после окончания холодной войны в целом не снизилось. Изменилась лишь природа конфликтов. Идеологическая составляющая современной конфликтности минимизировалась. Ее определяющее место во многих регионах мира заняла этническая, религиозная и цивилизационная составляющая. Наиболее ярко эту тенденцию отразил в своих работах американский политолог С. Хантингтон [Huntington 1996]. Актуализация цивилизационного подхода в новых исторических и социальных условиях позволяет объяснить суть и природу многих современных конфликтов, особенно когда речь заходит о геополитическом противостоянии. Это, в частности, подтверждает фундаментальность работ Н.Я. Данилевского, видевшего масштабность и историчность противоречий между Западом и Востоком.

Активно в последние десятилетия в политологической и социологической литературе используется понятие «идентитет» в значении базового, ключевого компонента социальной идентификации [Антонов 2014, 13–14]. Вместе с тем пока не получено однозначного ответа на вопрос, каким образом соотносятся понятия «идентитет» и «идентичность». Поэтому в настоящее время исследователи достаточно свободно оперируют этими терминами, объясняя разнообразные сложные процессы, протекающие в локальных сообществах. Так, по мнению Н.И. Харитоновой, «данное понятие может использоваться наравне с понятием «идентичность» (возможно, в более широком и универсальном значении) применительно к анализу конфликтных

взаимодействий на региональном и глобальном уровнях»¹. Исследователь обосновала возможность использования категории «цивилизационный идентитет» при анализе проблем урегулирования приднестровского конфликта, отнеся население спорной территории на левом берегу Днестра к российской/русской цивилизации [Харитоновна 2019].

Научные разработки в этой области сопровождаются трансляцией концептуализированных интеллектуальных конструкций в актуальном политическом поле с целью не просто политически «легализовать» существование особого цивилизационного идентитета с мощным православным компонентом, но и обозначить «особый путь» нашего государства. К таким попыткам можно отнести определение Президентом РФ В. Путиным России как отдельной цивилизации². Суть модели «государство-цивилизация» была ярко охарактеризована советским и российским социологом Д. Дондуреем: «Государство-цивилизация как суперинститут защищает народ, традиции, свою историю, культуру. Мораль, правила жизни, но главное — все свои отличия и суверенитет. Необходимо постоянно демонстрировать свою сверхсилу. Надо твердо знать, что любые жертвы приносятся ради сохранения сильного государства» [Дондурей 2019, 105].

Если исходить из того, что цивилизационный идентитет является наиболее устойчивой формой коллективной идентичности, можно предположить, что он выступает важным фактором во взаимоотношениях правящей элиты и масс в отдельно взятом государстве. Так, Т.А. Сенюшкина указывает, что «геополитический выбор государства, который, как правило, навязывается обществу правящей элитой, в ряде случаев может корректироваться индивидуальным и коллективным геополитическим выбором, основанным в решающей степени на цивилизационной идентичности» [Сенюшкина 2014, 184].

С другой стороны, общественная значимость цивилизационной идентичности может выступать локомотивом развития государства-цивилизации. В качестве примера, правда, с рядом оговорок можно привести Китайское государство-цивилизацию с особым менталитетом населения, коллективным восприятием Поднебесной как центра мира и даже особым чувствованием времени. И здесь нужно отметить особую роль государства как института (именно пример Китая является весьма показательным),

¹ Харитоновна Н.И. Международно-политическое измерение приднестровского конфликта: стратегические подходы к урегулированию: дисс... д. полит. наук. Москва, 2019. С. 174–175.

² Владимир Путин назвал Россию отдельной цивилизацией // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200517/1571580444.html> (дата обращения: 17.11.2020).

которое должно предпринимать системные усилия по воспитанию граждан как носителей этого цивилизационного идентитета, ибо будущее государства зависит именно от них и их способности передавать эту социальную информацию последующим поколениям, защищать свою цивилизацию, заботиться о ее благополучии и благоденствии ее носителей, консолидироваться ради отстаивания своих ценностей и идеалов, представляющих собой несущие конструкции китайской цивилизации.

Интерес к российскому/русскому цивилизационному идентитету стал активно проявляться во второй половине 2000-х годов в контексте международных политических процессов, когда Российская Федерация заявила о переходе к принципиально новой внешнеполитической линии, призванной конвертировать растущую экономическую мощь страны в политическое влияние на международной арене, где все активнее проступали тенденции к формированию полицентричной системы. Новый подход требовал актуализации механизмов, направленных на консолидацию российской нации-согражданства, весьма неоднородной по политическим взглядам, и отстаивание права на полноценное участие в «большой геополитической игре» в качестве одного из центров силы. Именно тогда цивилизационный подход стал снова востребованным в политическом дискурсе.

Особый интерес к феномену цивилизационного идентитета был отмечен в период активной фазы украинского кризиса в 2013–2016 годах, когда отечественное экспертное сообщество стремилось объяснить причины кризиса сосуществованием на территории Украины двух цивилизаций — западной католической и русской православной. «Крымский вопрос», разумеется, рассматривался под аналогичным углом зрения. Причем и украинский кризис, и «Крымский вопрос» практически дали новый импульс процессу концептуализации проблемы российского/русского идентитета в целом и формированию самостоятельного научного дискурса.

Цивилизационный идентитет населения Крымского полуострова

Как показывает опыт постсоветской истории, свой скрытый потенциал цивилизационный идентитет демонстрирует в кризисные, трагические периоды. В связи с этим можно вспомнить, к примеру, приднестровский конфликт и формирование приднестровской государственности, апеллирующей к российской/русской цивилизации, опыт Гагауз-Ери и, конечно, опыт Крыма.

Является ли население Крымского полуострова носителем российского/русского цивилизационного идентитета? Анализ научной литературы показал, что на эту тему рассуждала, пожалуй, лишь Т.А. Сенюшкина, подчеркивая, что политические процессы в Крыму в период 2013–2014 годов и позже обусловлены «цивилизационными различиями внутри крымского сообщества, которые связаны с сосуществованием и взаимодействием трех доминирующих этнических групп — русских, украинцев и крымских татар» [Там же, 186]. Далее исследователь указывает, что «воссоединение Крыма с Россией следует рассматривать как результат осознанного личного и коллективного выбора, основанного на преобладающей в регионе геополитической и цивилизационной идентичности» [Там же, 183]. Однако Т.А. Сенюшкина не считает все население полуострова носителем российской идентичности, выделяя коренное крымско-татарское население региона в качестве носителя другой цивилизационной идентичности. Большинство исследователей акцентируют внимание на существовании в Крыму идентичностей другого порядка.

Эмпирической базой для изучения этих идентичностей выступают, как правило, результаты социологических исследований последнего десятилетия в Крыму, свидетельствующие о том, что на полуострове взаимодействуют русская, украинская и крымско-татарская этнические идентичности, православная и мусульманская религиозные идентичности. Причем, как правило, крымско-татарская идентичность совпадает по субъекту с мусульманской, русская и украинская — с православной. Гораздо сложнее обстоит дело с политической идентичностью: здесь картина выглядит крайне фрагментированной, часто — размытой, что свидетельствует о неустойчивости политических и гражданских институтов в период до 2014 года. Эта тенденция динамично трансформируется после включения полуострова в состав Российской Федерации.

Кроме того, в научном и экспертном сообществе существует устойчивое мнение, что на полуострове сложилась такая региональная идентичность, как крымчане, сложносоставная по характеру и структуре. Ее носителями выступают практически все этносы, проживающие на территории полуострова. Системообразующим этнокультурным сегментом этого регионального сообщества выступают этнические русские. В то время как для других этносов — украинцев, татар, евреев, белорусов, греков — русский язык и русское историко-культурное наследие являются более привлекательными, чем навязывавшаяся в период 1992–2013 гг. украинская этнократическая по характеру идентичность [Баранов 2014, 52–53]. Русские символы и

язык стали в Крыму объединяющими для разных этносов и конфессий факторами, стабилизирующими и делающими устойчивой региональную идентичность крымчан. Важно учитывать, что региональная идентичность на полуострове сложилась не сразу, процесс ее складывания носил достаточно сложный характер. Так, согласно результатам социологических исследований 2003 и 2007 годов в Крыму, этническая и региональная (крымская) идентичности не являлись равноценными. Самая высокая интенсивность была зафиксирована именно у региональной идентичности (ее выбрали 250 человек, или около 45% опрошенных, в 2003 г. и 245 человек, или 39,5%, в 2007 г.). Данные показали, что в 2003 г. наименьшее значение этническая принадлежность имела для украинцев, ощущавших себя титульной нацией в Крыму, и русских в силу сходства своего образа жизни, поведения и т.п. с украинцами. Однако у крымских татар этническая идентификация носила базовый характер (более 60%). Повторное исследование 2007 года выявило тенденцию роста значения этнической идентификации для жителей Крыма — особенно явно эта динамика наблюдалась среди этнических украинцев, среди крымских татар значение этнической идентификации оставалось почти в два раза выше, чем среди остальных крымчан [Волкогорова 2007, 40–41; Волкогорова, Полунов 2008, 153–154].

Как же выглядит этническая картина современного Крыма, согласно эмпирическим данным, полученным с помощью инструментов прикладной социологии? Сравнение данных переписей 1989, 2001, 2014 гг., проведенных в Крыму³, а также ретроспективный анализ развития общественно-политических процессов показали, что население полуострова сегодня является носителем сложной многосоставной идентичности, которая сочетает в себе региональную идентичность (крымчане), этническую идентичность (русские, украинцы, крымские татары и др.). Согласно результатам исследований, проведенных Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН РФ в Симферополе и его окрестностях в 2013 и 2014 годах, в быту, на работе и в общественной сфере общение на русском языке стало «основой региональной идентичности, т.е. осознания себя крымчанами» [Губогло 2015, 23]. Существует мнение, высказанное известным исследователем М.Н. Губогло, что к населению Крыма применима категория «этнорегиональная идентичность»,

³ Доклад «Об итогах федерального статистического наблюдения «Перепись населения в Крымском федеральном округе» со 100-процентным охватом населения» // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/obshh_itog_kfo.docx (дата обращения: 13.11.2020).

представляющая собой «идеологически и психологически осмысленный конструкт, обязанный своим происхождением продуктивному диалогу, взаимодействию людей и материализованному в предметной и символической формах» [Там же, 10]. В отечественной литературе можно также встретить оценку, согласно которой в Крыму существует «крымско-русская идентичность» [Киселев 2004, 245], «младороссийская идентичность» [Капицын 2016, 11–12]. Л.Г.Егорова указывает, что «крымскую идентичность можно описать, в том числе, через культурные коды, причем одним из основных является коммуникативный культурный код, ориентированный на традиции русской культуры и русского языка» [Егорова 2019, 379]. Н.А. Сенченко подчеркивает, что «преобладание региональной и российской идентичности у жителей на момент 2014 г. стало решающим в российском выборе Крыма» [Сенченко 2020, 30].

Ретроспективный анализ показал, что на самосознание и самоидентификацию населения Крыма с начала 1990-х годов оказывают влияние русская/российская и украинская государственная идентификация, а на крымско-татарское и татарское население полуострова — турецкая. Указанные идентификации в известной степени конкурировали: с начала в 1990-х до середины 2000-х эта конкуренция носила достаточно мягкий характер, однако со второй половины 2000-х она стала приобретать все более жесткие формы. Последнее было связано с радикализацией некоторых течений ислама и попытками приверженцев этих течений осуществить инфильтрацию на территорию полуострова и «прорости» здесь, создать базы для вербовки и формирования нелегальных сетей. Кроме того, в этот период усиливается конкуренция между двумя региональными идентификациями, «надстроечными» по своему характеру, так как они были производными от европейского и евразийского интеграционных процессов. Поскольку идеологи украинского национального строительства, сменив геополитический вектор, взяли на вооружение идею евроинтеграции, а пророссийски настроенные сторонники восточного курса — евразийскую, усиление конкуренции между двумя идентификациями было неизбежным. Указанная конкуренция интеграционных процессов и соответствующих «надстроечных» идентификаций была использована внешними силами и частью политической элиты Украины для легитимации радикальной формы украинского национализма, сочетающей в себе не только этнократические установки, разновидности русо- и юдофобии, но и стремление к евроинтеграции.

На самочувствие русских, проживающих в постсоветском украинском Крыму, наличие «Большой исторической Родины» действовало неоднозначно. С одной стороны, русский язык и русская культура подпитывали гордость и ментальную сопричастность к наследию великого русского народа. А с другой стороны, она снижала уровень мобилизации русского населения в Крыму благодаря гипотетической возможности уехать в Россию в случае, если Киев перейдет к жесткой политике украинизации Крыма и будет реально угрожать сохранению этнической идентичности русских. Как указывает М.Н. Губогло, «чем сильнее связь с этническим материком, как показывает опыт русского населения Республики Молдова и болгар в Одесской области Украины, тем слабее региональная идентичность и, соответственно, ее солидаризационный и мобилизационный потенциал» [Губогло 2015, 15]. В отношении этого же периода истории полуострова Т.А. Сенюшкина пишет следующее: «Большинство жителей Крыма, на уровне гражданских, политических и правовых отношений отождествляли себя с Украиной, однако в культурном отношении всегда находились в пространстве влияния России» [Сенюшкина 2014, 187]. Т. Кузио и другие авторы указывают на существование советской идентичности в Крыму [Kuzio 2010, 291; Qualls 2015]. Приведенные здесь оценки специалистов объясняют столь низкий уровень поддержки вектора на евроинтеграцию и вступление Украины в НАТО. Характерные черты идентичности крымчан выявляются и в ходе специальных социологических обследований: «в социокультурной общности Крыма преобладают коллективные ценности, которые базируются на социальных потребностях личности» [Сенченко 2020, 31]. Эти же исследования выявляют низкий уровень формализации отношения к Родине и высокий нравственный потенциал [Там же, 34]. Примечательно, что в 2003 году большинство крымчан, как русских, так и украинцев, связали политическое будущее Крымского полуострова с Россией [Волкогорова, Полунов 2008, 152].

На Украине в 2013–2014 гг. упомянутое выше противостояние социокультурных идентичностей приняло критические формы на фоне дискуссии о смене геополитического вектора. «Конфликт идентичностей стремительно перерос в идентификационный кризис, фундировавший раскол всей политической системы и государственности страны» [Кашаф 2014, 66]. Хотя зарубежные специалисты отмечали весьма высокий уровень политической солидарности на Украине [Chayinska et al. 2017]. В отечественном научном дискурсе существует мнение, что «изменения в украинском обществе привели к проявлению региональной «младороссийской» идентичности

Крыма, включающейся в общероссийскую (национальную) идентичность россиян и усиливающей гражданское участие в решении вопросов развития общества и государства» [Капицын 2016, 11–12]. Немалую роль сыграл и фактор «остаточной советской идентичности» (в 2010 году лишь 12% населения Юга Украины идентифицировали себя через этническую принадлежность, 14% назвали себя «советскими людьми»⁴). Последняя постепенно трансформировалась в «пророссийскую». Возможно, идентичность населения полуострова могла еще долго сохранять многосоставный и многовекторный характер в условиях ограниченной автономии, если бы не события 2013–2014 годов, обвалившие несущие конструкции этого постсоветского государства, «обнулившие» все и без того весьма сомнительные успехи в сфере национального строительства и заставившие сменить внешнеполитический вектор страны. Об этом свидетельствует резкое повышение пророссийских настроений и усиление пророссийской идентичности в Крыму после каждого киевского Майдана. Еще в 2008 году, согласно данным социологических опросов, 67% опрошенных жителей Крыма хотели бы иметь гражданство РФ, 29% — Украины, 1,5% — Турции. При этом 78% опрошенных в Крыму считали необходимым, чтобы граждане Украины имели российское гражданство в качестве второго⁵.

Итак, совершенно очевидно, что дискуссия о природе идентичности населения Крыма с учетом переломного момента в его истории далека от завершения. В настоящий момент можно лишь констатировать, что наличие в Крыму особого идентитета, отличного от насаждаемого Киевом, и его неприятие новыми, «прозападно» настроенными киевскими властями стало одним из ключевых факторов обретения Крымом независимости с последующим включением в состав Российской Федерации. Киев оказался неспособен оценить цивилизационное значение русской культуры, русского языка и общей истории для населения Крыма.

Можно также констатировать, что население Крыма выступает носителем цивилизационной идентичности (идентитета), где ядром цивилизации выступает Россия или Евразия (в рамках евразийского подхода в геополитике) с ее историей, политическими, религиозными, идеологическими, социальными и культурными практиками и вполне определенной зоной цивилизационного влияния, куда входил и

⁴ Опрос: 76% украинцев считает себя патриотами Севастополе // Корреспондент.net [Электронный ресурс]. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/events/1139167> (дата обращения: 03.11.2020).

⁵ Опрос: Крымчане против вступления в НАТО и за базирование Черноморского флота в Севастополе // Корреспондент.net [Электронный ресурс]. URL: <https://korrespondent.net/ukraine/politics/600886-opros-krymchane-protiv-vstupleniya-v-nato-i-za-bazirovanie-chf-rf-v-sevastopole> (дата обращения: 18.11.2020).

входит Крым. Существенную роль здесь играет и коллективная память о дореволюционном, советском периоде общей истории, остаточные элементы «советской идентичности». Важное значение имел и конфликт с насаждаемой Киевом этнически ориентированной государственной идентичностью, которую население Крыма не готово было принять.

В перечень изучаемых идентичностей населения Крыма разного порядка необходимо добавить идентичности, связанные с комплексом сложных геополитических процессов, — европейскую и евразийскую, которые выступают в отношении традиционных идентичностей (этнической, региональной) в качестве «надстроечных». Целесообразно также высказать предположение, что совпадение ряда идентичностей по субъекту способно вызвать синергетический эффект, который может существенно влиять на геополитические процессы в регионе.

Цивилизационный идентитет крымчан как фактор успешной интеграции в российское пространство

Социокультурная интеграция Крыма в российское политико-правовое и социокультурное пространства является ключевой стратегической задачей обеспечения устойчивого развития нашей страны [Волков 2018, 9]. Для решения этой задачи федеральные и региональные власти реализуют разнообразные программы и предпринимают массу усилий в экономической и гуманитарной сферах. Очевидно, что на решение задачи полноценной интеграции полуострова в качественные пространства России должна работать и идентичность населения Крыма с ее спецификой. В целом интегративная функция идентичности является одной из ключевых (наряду с коммуникативной, консолидационной, аккумулятивной, гносеологической, символической и др.) и решает задачу объединения на основе единых ценностей, типологически схожих убеждений и взглядов.

Как указывалось выше, цивилизационный идентитет актуализируется и начинает работать на консолидацию общества в переломные, кризисные моменты. Неслучайно период обострения конкуренции идентичностей на Украине во второй половине 2000-х годов и, соответственно, обострение политических противоречий совпали с очередным расширением ЕС (2004 г.) и запуском программы Восточное партнерство (2008 г.), направленной на вовлечение стран Восточной Европы в орбиту ЕС и «изъятие» их из сферы влияния России. Другими словами, «крымско-украинская проблема как раз вписывается в русло культурно-цивилизационных антагонизмов между Россией и Западом» [Тамбиянц 2018, 244].

Вместе с тем актуализация цивилизационной идентичности демонстрирует тенденцию к устойчивости. Об этом свидетельствуют результаты социологических исследований. В 2015 г. Институт GFK Ukraine по заказу компании Berta Communications при поддержке Canada Fund for Local Initiatives провел социологический опрос, согласно результатам которого 82% участников опроса поддерживают присоединение полуострова к России, 11% опрошенных скорее поддерживают присоединение и лишь 4% (34 человека из 800 опрошенных) высказались против [Ерохина 2016]. В 2016 году результаты соцопросов показали, что 95% населения Крыма (94% населения Севастополя) снова проголосовало бы за вхождение в состав России (в ходе референдума 16 марта 2014 г. за вхождение в состав России проголосовали 96,77%). Против высказались 2% в Крыму (2% в Севастополе); 76% жителей полуострова заявили, что «довольны положением дел» по состоянию на 2016 год⁶. Приведенные данные свидетельствуют не только об укреплении «пророссийской» идентичности, но и о значительном ее потенциале к «прорастанию» в общероссийскую гражданскую идентичность. Причем «выраженность гражданской идентификации у крымчан опережает ту, что преобладает в «материковой» России относительно участия в общественной жизни» [Капицын 2016, 16]. Поэтому федеральный центр вынужден крайне внимательно относиться к региону и потребностям его граждан, так как от этого зависит, насколько успешно лояльная «пророссийская» идентичность станет частью общероссийской национальной идентичности.

Социологический опрос, проведенный летом 2016 года в Крыму группой независимых социологов «Открытое мнение», показал, что в среде крымчан лидирует общероссийская гражданская идентичность (43% опрошенных заявили о себе «Я — житель России»), на втором месте — региональная идентичность (35% заявили «Я — житель своего региона», «Я — крымчанин»), гражданами Украины определил себя 1% опрошенных. Результаты опроса позволили социологам прийти к выводу о том, что население полуострова находится в состоянии «трансформации гражданской идентичности»⁷.

⁶ 98% жителей Крыма высоко оценивают работу президента России: опрос ВЦИОМ // ИА REGNUM [Электронный ресурс] URL: <https://regnum.ru/news/ratings/2156037.html> (дата обращения: 12.11.2020).

⁷ ЖКХ важнее Украины // Газета.ru [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/07/21_a_9704009.shtml (дата обращения: 15.11.2020).

Таким образом, социологические исследования 2014–2016 гг. продемонстрировали устойчивую лояльность жителей Крыма юридическому факту присоединения Автономной Республики Крым (АРК) к России даже на фоне объективных проблем переходного периода [Галас 2017, 108].

Так каков же потенциал цивилизационного идентитета в деле интеграции Крыма в Российское государство?

Баранов А.В. рассматривает «потенциал региональной идентичности как ресурс легитимации воссоединения Крыма с Россией» [Баранов 2014, 52]. Он указывает на то, что «взаимодействие российской (национальной), региональных, этнических и конфессиональных идентичностей конкурентно. Конструирование идентичности может быть либо фактором риска дезинтеграции государства, либо легитимирующим фактором его интеграции» [Там же]. Схожую оценку можно найти у М.К. Горшкова, полагающего, что потенциалом для реинтеграции, а в дальнейшем полной адаптации к их активному участию в решении задачи пространственного развития России⁸ является социально-пространственная консолидированность населения Крыма с Российским государством [Горшков 2018, 9].

В свою очередь, российская гражданская идентичность выступает консолидирующим фактором и для крымчан, независимо от этнической принадлежности, на фоне которой региональная идентичность отходит на второй план.

Анализ социологических данных и научной литературы показал, что утверждение российской гражданской идентичности произошло в 2014–2015 гг. Этот период был отмечен важными событиями в новейшей истории России — Олимпиада в Сочи, «Крымская весна», празднование 70-летия Великой Победы, которые сами по себе являются объединяющими российскую политическую нацию [Griban et al. 2019]. В качестве ключевых интеграторов можно выделить общие государство и территорию (родную землю), историческое прошлое, язык, культуру. По природе это гражданско-государственная идентичность.

Реализуемый проект формирования российской идентичности требует понимания всеми заинтересованными сторонами политической надэтнической природы российской идентичности, в чем задействована сила и авторитет российского государства [Волков 2018, 13]. Россия многое делает для интеграции

⁸ См.: Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 N 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // Правительство РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 13.11.2020).

Крымского полуострова в свои качественные пространства. Речь идет об усилиях по координации деятельности республиканских и федеральных властей, реализации Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года»⁹, о работе по преодолению санкций, налаживанию инфраструктуры, коммуникаций, о новой политике по углублению межэтнического диалога в регионе и проч. [Гапизов 2020].

Оценивая перспективы интеграции крымского общества в российское социально-политическое и социально-экономическое пространства, необходимо учитывать, что элита и население Крыма находилось 23 года в качественно другом пространстве: по мнению специалистов, более отсталом от российского, сохраняющем черты позднесоветского [Ерохина 2016]. Это стало одной из причин сохраняющихся и межэтнических, и межконфессиональных противоречий. При выстраивании этнонациональной политики в регионе крайне важно учитывать, что межэтническая напряженность с успехом нейтрализуется не только мерами по предупреждению конфликтности, но поступательным выстраиванием гражданской идентичности (в настоящий момент в Крыму более чем подходящие для этого условия), сопровождаемым постоянным ростом благосостояния населения. В деле упрочения российской гражданской идентичности крайне важно синхронизировать усилия властей с усилиями гражданского сектора с учетом местной специфики (повышенный по сравнению с другими регионами России уровень гражданской активности, проблема интеграции крымских татар, влияние извне на разные этнические сообщества и проч.). Главная задача здесь — не допустить политизации этнического фактора. Взвешенная политика достижения межэтнического и межконфессионального согласия должна работать на достижение цели выстраивания российской гражданско-политической идентичности с сохранением этнокультурного многообразия на полуострове. Снижению напряженности и укреплению гражданской идентичности может способствовать успешно апробированная в России практика функционирования национально-культурных автономий, в число задач которых входит и укрепление единства российской нации [Галас 2017, 114].

⁹ Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» // Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс].

URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/socialno_ekonomicheskoe_razvitie_respubliki_krym_i_goroda_federalnogo_znacheniya_sevastopolya/federalnaya_celeвая_programma_socialno_ekonomicheskoe_razvitie_respubliki_krym_i_g_sevastopolya_do_2022_goda/ (дата обращения: 17.11.2020).

Как позитивный оценивается опыт новой языковой политики в Крыму. Крым является единственным регионом РФ, где функционируют три государственных языка: русский, украинский и крымско-татарский. Такой подход можно считать вполне оправданным, несмотря на диспропорции в соотношении численности соответствующих этносов (подобная политика с успехом реализуется, например, в Приднестровье, где, однако, наблюдается паритет в соотношении численности русского, украинского и молдавского населения). Успех реинтеграции будет зависеть и от политики в сфере образования, науки и культуры — важной задачей на пути интеграции является корректное соотнесение истории региона и этнических групп с российской историей, ее настоящим и будущим. Необходимым здесь видится налаживание воспитательной работы с молодежью, режима обмена обучающимися, научными и преподавательскими кадрами между Крымом и другими регионами России, внедрение программы переподготовки, проведение конференций, научных семинаров, летних школ и расширение других форматов взаимодействия и обмена опытом, культурно-просветительской деятельности.

Позитивным результатом можно считать формирование научного и экспертного дискурса по проблеме интеграция Крыма. Однако этот дискурс нуждается в определенной формализации и концептуализации с учетом существующих разногласий внутри российского общества по «Крымскому вопросу», специфики процессов, протекающих в самом Крыму, внешнего давления на Россию, использования оппонентами нашей страны внутрироссийских и внутрикрымских противоречий в геополитических целях.

Таким образом, можно констатировать, что российский/русский цивилизационный идентитет населения Крыма, независимо от существующих там идентичностей более низкого уровня — этнической и региональной, будучи главным, способствует быстрому формированию российской гражданской идентичности, что является залогом и одним из ключевых условий успешной интеграции полуострова в качественные пространства Российского государства — политическое, экономическое, социокультурное, коммуникационное и другие.

Заключение

В становлении особой идентичности крымчан большую роль сыграл, наряду с историческим и политическим, географический фактор. В итоге население полуострова имеет многосоставную идентичность как наследие СССР, результат существования в рамках автономии в составе независимой Украины. Наличие в Крыму особого

идентитета и его неприятие прозападными властями Украины стали одной из ключевых причин выхода Крыма из состава Украины и воссоединения с Россией. Крым оказался на переднем крае геополитической войны. Референдум 2014 года стал актом выбора народами Крыма своей исторической судьбы. Этот опыт стал одним из вариантов разрешения противоречия между правом народов на самоопределение и принципом сохранения территориальной целостности государств.

Как показал анализ, идентичность населения полуострова имеет несколько уровней. Базовый уровень представлен этнической идентичностью (русские, украинцы, крымские татары и др.). Далее — региональная идентичность («Я — крымчанин»). После акта воссоединения с Россией набирает силу российская гражданская идентичность («Я — житель России», «Я — россиянин»). При этом важно рассматривать также европейскую и евразийскую идентичности, связанные с комплексом сложных геополитических процессов, которые выступают в отношении традиционных идентичностей (этнической, региональной, гражданской) в качестве «надстроечных». Однако на высшем уровне располагается цивилизационная идентичность населения Крыма. Ее можно определить как идентичность России/Евразии. Она, будучи наиболее устойчивой формой коллективной идентичности, не конфликтует ни с одной из идентичностей базового уровня и гармонично сочетается с другими, усиливая их. Цивилизационный идентитет выступает в качестве локомотива самоопределения народа, ресурса государственного и национального развития.

Таким образом, подтвердилось предположение о том, что совпадение ряда идентичностей по субъекту способно вызвать синергетический эффект, который, в свою очередь, может существенно влиять на геополитические процессы в регионе, в том числе на решение «Крымского вопроса».

Проведенное исследование показало необходимость изучения перспектив решения «Крымского вопроса» в контексте геополитических процессов в Азово-Черноморском регионе.

Список литературы:

Антонов Д.А. Понятие идентитета и проблема идентичности общества // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 13–22.

Баранов А.В. Крымская региональная идентичность как ресурс легитимации воссоединения с Россией // Научная мысль Кавказа. 2014. № 4. С. 51–60.

Волков Ю.Г. Дискурс понимания в формировании общероссийской идентичности в Крыму // Ученые записки Крымского федерального университета имени

- В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4(70). Спецвыпуск № 1. С. 9–21.
- Волкогонова О.Д. Русская диаспора в Крыму: этнополитический аспект // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2007. № 1. С. 32–44.
- Волкогонова О.Д., Полунов А.Ю. Политизация этничности в современной Украине: русская диаспора и межнациональные отношения в Крыму // Россия и современный мир. 2008. № 2. С. 144–163.
- Галас М.Л. Проблемы политической и социальной адаптации крымчан к жизни в составе Российской Федерации // Власть. 2017. № 5. С. 108–116.
- Гапизов З.Р. «Крымский вопрос» в контексте обеспечения национальных интересов и национальной безопасности современной России // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 82. С. 270–289. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10101.
- Горшков М.К. Воссоединение Крыма с Россией: социально-исторические, политические и социокультурные предпосылки // Социологическая наука и социальная практика. 2018. № 2(22). С. 7–16. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.2.5853>.
- Губогло М.Н. Симбиоз этнической и региональной идентичности // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 241. М.: ИЭА РАН, 2015.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008.
- Дондурей Д. Навстречу. М.: Искусство кино, 2019.
- Егорова Л.Г. Крымская идентичность в медийной картине мира // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8. № 2. С. 373–387. DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(2).373-387.
- Ерохина О.В. Проблемы национально-государственной самоидентификации крымчан, регулирования межэтнических отношений в Крыму, политическая и социальная адаптация крымчан к жизни в составе Российской Федерации // Наука. Общество. Оборона. 2016. № 2(7). DOI: 10.24411/2311-1763-2016-00011.
- Капицын В.М. «Младороссийская идентичность»: Крым, 2014–2016 годы // Вестник Пермского научного центра УРО РАН. 2016. № 5. С. 11–17.
- Кашаф Ш.Р. Полисубъектное конструирование национально-государственной идентичности в новых границах политического сообщества России: крымский казус // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 2. С. 64–71.
- Киселев С.Н. Крымская русская идентичность как этнополитическая реальность // Учёные записки Таврического национального университета. Серия: География. 2004. Т. 17. № 4. С. 241–248.

Сенченко Н.А. Когнитивные маркеры гражданской идентичности жителей Крыма // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 1(69). С. 30–35. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2020.1.3>.

Сенюшкина Т.А. Цивилизационная идентичность как фактор крымского выбора // Проблема суверенности современной России: материалы Всероссийской научно-общественной конференции. Центр научной политической мысли и идеологии. М.: Наука и политика, 2014. С. 182–190.

Тамбиянц Ю.Г. Проблематика интеграции Крыма и России в свете цивилизационного подхода // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4(70). Спецвыпуск № 2. С. 243–247.

Харитонова Н.И. Фактор цивилизационной идентичности населения Приднестровья в разрешении приднестровского конфликта // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9. № 1(30). С. 142–151.

Chayinska M., Minesku A., McGarty C. Political Solidarity through Action (and Inaction): How International Relations Changed Intracultural Perceptions in Ukraine // Group Processes and Intergroup Relations. 2017. Vol. 20. No. 3. P. 396–408. DOI: <https://doi.org/10.1177/1368430216682354>.

Erikson E.H. Identity, Youth and Crisis. New York: W.W. Norton & Company, 1968.

Giddens A. Modernity and Self-Identity. Stanford: Stanford University Press, 1991.

Griban I.V., Popp I.A., Tagiltseva N.G., Korobitsyna L.V. Historical Memory as a Basis of Civil Identity of Russian Youth // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EPSPB. Yekaterinburg: Future Academy, 2019. P. 1162–1168.

Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996.

Kuzio T. Nationalism, Identity and Civil Society in Ukraine: Understanding the Orange Revolution // Communist and Post-Communist Studies. 2010. Vol. 43. No. 3. P. 285–296. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2010.07.001>.

Qualls K.D. Manufacturing Local Identification behind the Iron Curtain in Sevastopol, Ukraine after World War II // Local Memories in a Nationalizing and Globalizing World / Ed. by M. Beyen and B. Deseure. Houndsmill: Palgrave Macmillan. 2015. P. 94–114.

Дата поступления: 26.12.2020

References:

- Antonov D.A. (2014) Notion of “Identitet of Society” and the Problem of Social Identity. *Gumanitarnyye i sotsial’nyye nauki*. No. 2. P. 13–22.
- Baranov A.V. (2014) Crimean Regional Identity as a Resource for the Legitimation of Reunification with Russia. *Nauchnaya mysl’ Kavkaza*. No. 4. P. 51–60.
- Chayinska M., Minesku A., McGarty C. (2017) Political Solidarity through Action (and Inaction): How International Relations Changed Intracultural Perceptions in Ukraine. *Group Processes and Intergroup Relations*. Vol. 20. No. 3. P. 396–408. DOI: <https://doi.org/10.1177/1368430216682354>.
- Danilevskiy N.Ya. (2008) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
- Dondurey D. (2019) *Navstrechu* [Towards]. Moscow: Iskusstvo kino.
- Egorova L.G. (2019) Crimean Identity in the Media Presentation of the Region. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. Vol. 8. No. 2. P. 373–387. DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(2).373-387.
- Erikson E.H. (1968) *Identity, Youth and Crisis*. New York: W.W. Norton & Company.
- Erokhina O.V. (2016) Problems of National and Political Identity of Crimean Population, Regulation of Interethnic Relations in Crimea, Political and Social Adaptation of the Crimean People for Being Russian Citizens. *Nauka. Obshchestvo. Oborona*. No. 2(7). DOI: 10.24411/2311-1763-2016-00011.
- Galas M.L. (2017) Problems of Political and Social Adaptation of Crimeans to Life in the Russian Federation. *Vlast’*. No. 5. P. 108–116.
- Gapizov Z.R. (2020) “Crimean Issue” in the Context of Ensuring National Interests and National Security of Modern Russia. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 82. P. 270–289. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10101
- Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity*. Stanford: Stanford University Press.
- Gorshkov M.K. (2018) Reunification of Crimea with Russia: Socio-historical, Political and Socio-cultural Background. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial’naya praktika*. No. 2(22). P. 7–16. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.2.5853>.
- Griban I.V., Popp I.A., Tagiltseva N.G., Korobitsyna L.V. (2019) Historical Memory as a Basis of Civil Identity of Russian Youth. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EPSPB*. Yekaterinburg: Future Academy. P. 1162–1168.

- Guboglo M.N. (2015) The Symbioses of Ethnic and Regional Identity. *Issledovaniya po prikladnoy i neotlozhnoy etnologii*. No. 241. Moscow: IEA RAN.
- Huntington S.P. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.
- Kapitsyn V.M. (2016) «Young-Russian» Identity: Crimea 2014–2016. *Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra URO RAN*. No. 5. P. 11–17.
- Kashaf Sh.R. (2014) Several Subject Construction of National-State Identity in the New Boundaries of the Political Community in Russia: Crimean Casus. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik*. No. 2. P. 64–71.
- Kharitonova N.I. (2019) The Factor of Civilization Identity of the Population of Transnistria in the Resolution of the Transnistrian Conflict. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*. Vol. 9. No. 1(30). P. 142–151.
- Kiselev S.N. (2004) Krymskaya russkaya identichnost' kak etnopoliticheskaya real'nost' [Crimean Russian identity as an ethnopolitical reality]. *Uchënyye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta. Seriya: Geografiya*. Vol. 17. No. 4. P. 241–248.
- Kuzio T. (2010) Nationalism, Identity and Civil Society in Ukraine: Understanding the Orange Revolution. *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 43. No. 3. P. 285–296. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2010.07.001>.
- Qualls K.D. (2015) Manufacturing Local Identification behind the Iron Curtain in Sevastopol, Ukraine after World War II. In: Beyen M., Deseure B. (eds.) *Local Memories in a Nationalizing and Globalizing World*. Houndsmill: Palgrave Macmillan. P. 94–114.
- Senchenko N.A. (2020) Cognitive Markers of Civic Identity of Crimean Residents. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. No. 1(69). P. 30–35. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2020.1.3>.
- Senyushkina T.A. (2014) Tsivilizatsionnaya identichnost' kak faktor krymskogo vybora [Civilization identity as a factor for Crimean choice]. *Problema suverennosti sovremennoy Rossii: materialy Vserossiyskoy nauchno-obshchestvennoy konferentsii. Tsentr nauchnoy politicheskoy mysli i ideologii*. Moscow: Nauka i politika. P. 182–190.
- Tambiyants Yu.G. (2018) Problematika integratsii Kryma i Rossii v svete tsivilizatsionnogo podkhoda [Integration of Crimea and Russia in the light of the civilizational approach]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya*. Vol. 4 (70). Special Issue No. 2. P. 243–247.
- Volkogonova O.D. (2007) Russian Diaspora in Crimea: Ethno Political Aspect. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskiye nauki*. No. 1. P. 32–44.

Volkogonova O.D., Polunov A.Yu. (2008) Ethnical Politicization in Today's Ukraine: The Russian Diaspora and Nationalities Relations in the Crimea. *Rossiya i sovremennyy mir*. No. 2. P. 144–163.

Volkov Yu.G. (2018) Diskurs ponimaniya v formirovanii obshcherossiyskoy identichnosti v Krymu [Discourse of understanding in the formation of all-Russian identity in Crimea]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya*. Special Issue No. 1. P. 9–21.

Received: 26.12.2020